

Кан Чжэ ничего не сказал. Его ладонь накрыла глаза Тан Юйхуэя, отрезая того от остального мира. Под рукой Кан Чжэ будто лежал хрупкий, прозрачный и прекрасный кусок стекла.

Кан Чжэ безмолвно стоял словно перед зеркалом, ощущая, как в его душе борются два начала. Одно — поток сострадательной нежности к самому Тан Юйхуэю, другое — его привычная, неумолимая жестокость, что непостижимым образом отстраняла его от чужих горестей и радостей, заставляя холодно, безучастно взирать на человека перед ним. Кан Чжэ мысленно повторил три слога имени, на его губах постепенно появилась улыбка, и он позвал:

— Тан Юйхуэй.

Тёплая капля просочилась сквозь пальцы Кан Чжэ. На мгновение задержавшись у края ладони, она ручейком скользнула по фарфоровой коже Тан Юйхуэя, разливаясь по ней сияющим морем. Голос Тан Юйхуэя был хриплым и слабым, как у малыша, которому задали вопрос, на который он не знал ответа:

— А-Чжэ...

Кан Чжэ замер. Эта слеза тронула его как никогда прежде. Он убрал руку, наклонился и коснулся губами следа от слезы у глаза Тан Юйхуэя:

— Тебе не нравится? Тогда давай сегодня же сменим имя. Как насчёт фамилии Кан?

Тан Юйхуэй ошеломлённо посмотрел на него:

— Но ты же верующий... Разве можно так просто говорить такое?

Кан Чжэ приподнялся и с беззаботной улыбкой вернул ему взгляд.

— Это просто слова. Что, нельзя?

Кан Чжэ опирался на руки не в полную силу. Он был чуть ближе, чем должен быть обычный человек, и в то же время чуть дальше, чем возлюбленный. Тан Юйхуэй обвил руками его шею и замер, глядя на него. Алый ореол заката за спиной Кан Чжэ был ничем в сравнении с ним самим. Казалось, он вобрал в себя все сумерки мира, сгустив их до невыносимой плотности, и от одного лишь долгого взгляда на него сердце сжималось от предчувствия прекрасного и неотвратимого угасания. И влюбиться в него было так же: это чувство, подобно сумеркам, одновременно изнуряло и создавало невыносимую зависимость.

— Можно, — тихо сказал Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ покорно поцеловал его. Степной ветер ласково скользил между ними. Из всех часов,

от рассвета до глубокой ночи, Тан Юйхуэю больше всего нравился именно этот миг: когда солнце вот-вот готово сесть, но ещё не село. Солнце замирало на самом краю горизонта, и мир заливало милосердное, священное золото. Время тянулось невысказанно долго, словно оттягивая миг великого расставания.

Весна благоухала, но Тан Юйхуэй отчётливо ощутил в своём возлюбленном дыхании осени. Кан Чжэ поцеловал его в брови, и Тан Юйхуэю вспомнился один вечер поздней осенью. Он остановился по дороге в лабораторию, чтобы посмотреть на пылающие, словно пожар, огненные облака и листья гинкго, которые, шелестя, осыпали его с головы до ног.

Поцелуй был долгим, а нежность Кан Чжэ — мимолётной. В неистовой силе этой единственной слезы он ощутил вкус соли, холодной и древней, как сам ледник. И тогда нечто неведомое, но дающее чувство возвращения домой начало медленно пробуждаться в нём. Вкус поцелуя изменился. Закат вспыхнул, тёплый оранжевый свет стал кроваво-красным, как охра. Поцелуи Кан Чжэ становились всё жёстче, его язык исследовал каждый зуб Тан Юйхуэя, с силой проталкиваясь всё глубже. Тан Юйхуэй едва поспевал за ним, его дыхание стало частым.

Когда Кан Чжэ приподнялся, он казался другим человеком. На его лице играла та самая улыбка, полная высокомерия и порочной притягательности, которую Тан Юйхуэй увидел при их первой встрече. Его дыхание тоже сбилось, но он не был беспомощной жертвой этого порыва, как Тан Юйхуэй. Вокруг него витала аура небрежной, первобытной дикости. Кан Чжэ лениво приподнял уголок губ:

— Что же делать? Хочу себе кое-что присвоить.

Зацелованные, губы Тан Юйхуэя налились, как полные сладкого сока спелые лесные ягоды, которым лишь предстояло дозреть. Но в своей первозданной чистоте они и не подозревали, что одним своим видом безмолвно дурманят разум.

— Что?..

Кан Чжэ осторожно поднял его и одним движением закинул на плечо. В одно мгновение мир Тан Юйхуэя перевернулся с ног на голову: он смотрел в небо, а теперь — на землю. Голова закружилась, в глазах потемнело. Тот, кто мгновение назад плакал, словно благодатный, омывающий всё живое дождь, теперь был полон самого настоящего недоумения.

— А-Чжэ... ты что делаешь?

— Столько времени прошло, — лениво протянул Кан Чжэ, — и ты наконец привык так меня называть?

Тан Юйхуэй замер и тут же замолчал. Он попытался вырваться, но Кан Чжэ мягко шлёпнул его по пояснице, предупредив:

— Не дёргайся.

Тан Юйхуэй не проронил ни слова, пока Кан Чжэ нёс его на плече вниз с горы, усаживал на мотоцикл и даже надевал на него шлем. И лишь в тот миг, когда Кан Чжэ потянулся, чтобы застегнуть ремешок, Тан Юйхуэй словно очнулся ото сна и резко вцепился в его запястье.

— А!..

Кан Чжэ нежно похлопал Тан Юйхуэя по руке, которая с внезапной силой вцепилась в его запястье.

— Что «а»?

Лицо Тан Юйхуэя снова покраснело. На его фарфоровой коже, помимо тёмных, влажных глаз, теперь алел невесомый, как отблеск заката, румянец.

— Почему ты не спросил меня?..

Стоило ему это произнести, как румянец на его лице стал почти обжигающим. А вот голос, наоборот, стих до шёпота, который почти унесло ветром:

— Тебе было достаточно просто спросить меня...

Только тут Кан Чжэ понял, о чём он говорит, и с усмешкой опустил руки. Он ущипнул Тан Юйхуэя за щёку и с опасной улыбкой сказал:

— Я, конечно, знаю, что могу спросить. Но сейчас — не время. — Сказав это, он счёл нужным объясниться: — Не то чтобы не время. Просто не хочу.

Тан Юйхуэй, которого держали за щёку, моргнул и спросил:

— Почему?

Кан Чжэ задумался.

— Ты так горько плакал. Это ведь было бы издевательством над тобой, верно? А я никогда не обижаю детей.

Тан Юйхуэй: «Серьёзно?» Он положил руку на грудь Кан Чжэ и принялся беспокойно елозить ею вверх-вниз, делая вид, что это очень важно.

— Я ищу, где у тебя совесть...

Кан Чжэ ничего не говорил, лишь наблюдал за ним с загадочной, едва заметной усмешкой. Увидев её, Тан Юйхуэй застыл. Он заставил себя убрать руки, которые только что так вольно блуждали по телу Кан Чжэ и напряжённо опустил их вдоль тела.

Взгляд Кан Чжэ был осязаемо тяжёлым, словно ледник, готовый обрушиться метеоритом. К Тан Юйхуэю вернулся его испуганный взгляд ягнёнка. Сердце бешено колотилось в груди, и всё его сознание заполнил лишь один запах — лёгкий, травяной аромат дыма, исходивший от Кан Чжэ. Он нервно скрёб ладони, а внутри хаотично металось огромное, соразмерное целой Вселенной волнение, которое невозможно было выразить словами.

Кан Чжэ ничего не сказал и закончил прерванное действие, застегнув ремешок шлема. Затем он легко коснулся руки Тан Юйхуэя и медленно произнёс:

— Поехали.

Обратная дорога прошла в полной тишине. Тан Юйхуэй всё время прижимался щекой к спине Кан Чжэ. Жар не сходил с его щёк, и глубокое смущение не позволяло ему поднять глаза, стыдясь встретиться со звёздами, которые он считал своими.

Они доехали до дома. В безбрежной ночной тьме россыпь огней гостевого дома горела, словно свечи. Мириады звёзд, будто брошенные в кока-колу кубики соли, оглушительно шипели, лопаясь пузырьками, и вспыхивали ослепительным бриллиантовым светом.

Тан Юйхуэй спрыгнул с мотоцикла, сделал несколько быстрых шагов вперёд и схватил Кан Чжэ за край куртки. Кан Чжэ замер, затем обернулся и молча посмотрел на него. Во взгляде Тан Юйхуэя появилась та самая влажная дымка, пропитанная ароматом сочной травы, что окутывала их целый вечер на склоне горы. Кан Чжэ механически потёр пальцы, ему внезапно захотелось курить.

Голос Тан Юйхуэя был пропитан чувствами. Слово не решаясь взглянуть на стоящего перед ним человека, он робко позволил ночной темноте передать его слова:

— Ты говорил мне, что восьмой день четвёртого месяца — день рождения Будды Шакьямуни. И если последователь буддизма совершит в этот месяц одно доброе дело, его заслуга умножится в сто тысяч раз.

Кан Чжэ не шелохнулся, лениво стоя на месте, и нечётко проговорил:

— Говорил. И что с того?

— Месяц ещё не прошёл, — в голосе Тан Юйхуэя послышались нотки уныния, но он заставил

себя собраться с силами. — Я считаю, что в таком случае... это правило ещё действует.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй помолчал с минуту, а затем прошептал так, что тише уже быть не могло:

— Мне не страшно, если ты сделаешь мне больно... Можешь совершить одно доброе дело?

Кан Чжэ замер. Впервые в жизни на его лице отразилась подлинная растерянность.

— Что?

Тан Юйхуэй сделал ещё несколько шагов вперёд, останавливаясь прямо перед ним. Словно бросаясь в омут с головой, он поднял глаза на Кан Чжэ.

— Знаешь, почему я разваливаюсь на части от малейшей проблемы? Потому что у меня никогда не было настоящих трудностей, моя жизнь была слишком гладкой. Ещё я отчаянно жажду, чтобы меня любили. Вот почему меня так легко сломать. Мир был ко мне благосклонен, и сами небеса благоволили мне. Прежде меня никто никогда не обижал. Может быть, всё, что мне нужно, — это чтобы меня унизили, принесли в жертву, ранили...

Он наконец сделал последний шаг, встал на цыпочки, обвив руками шею Кан Чжэ:

— А-Чжэ, помоги мне. Сотвори одно доброе дело.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130183>